
П.А. Даценко

**КОРОЛЕВСТВО ВЮРТЕМБЕРГ
И ПРОБЛЕМА ГЕРМАНСКОГО НЕЙТРАЛИТЕТА В 1853–1854 гг.
(По материалам российской дипломатической миссии
в Штутгарте)***

Аннотация. В данной статье анализируется политика Вюртембергского королевства в 1853–1854 гг. в борьбе за нейтралитет Германского союза в Крымской войне. На основе немецких дипломатических документов и секретных депеш российских поверенных в делах при Вюртембергском дворе, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи, предпринимается попытка выявить основные политические векторы вюртембергского курса. В центре внимания автора статьи – реакция на внешнеполитический курс Вюртембергского двора со стороны российского правительства, для которого особый интерес представляла Бамбергская конференция государств Германского союза 26–30 мая 1854 г.

Ключевые слова: Крымская война, Германский союз, королевство Вюртемберг, нейтралитет, «Третья Германия», А.М. Горчаков, К.Ю.Ф. фон Нейрат, Л. фон дер Пффордтен, Ф.Ф. фон Бойст, внешняя политика, российско-германские отношения, АВПРИ.

Даценко Павел Александрович – аспирант исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва.
E-mail: datsenko3322@mail.ru

P.A. Datsenko. The Kingdom of Württemberg and the Problem of German Neutrality in 1853–1854 (Documents of the Russian Diplomatic Mission in Stuttgart)

Abstract. This article studies the policy of the Kingdom of Württemberg in the years 1853–1854, aimed at securing the neutrality of the German Confederation in the Crimean

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ. Проект № 15-18-30087.

РОССИЯ И МИР В XIX ВЕКЕ

war. Basing on German diplomatic documents and secret dispatches of the Russian deputies at the Württemberg's court the article analyzes some key political vectors of the Stuttgart's neutrality efforts and the reaction of the Russian Government, especially on the Conference of Bamberg, May, 26–30, 1854.

Keywords: *Crimean war, German Confederation, Kingdom of Württemberg, neutrality, Third Germany, Gorchakov, Neurath, von der Pfordten, Beust, foreign policy, the Russian-German relations.*

Datsenko Pavel Alexandrovich – postgraduate student of the Department of History of the State Academic University for the Humanities, junior research fellow, the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: dacenko3322@mail.ru

Проблема германского нейтралитета в годы Крымской войны (1853–1856) лежит не только в сфере международных отношений и политики великих европейских держав, но и в сфере сложной системы взаимоотношений многочисленных германских государств в составе Германского союза. До сих пор в отечественной историографии германский вопрос рассматривался в основном на примере двух крупнейших государств Германского союза – Австрии и Пруссии. Их роль в Крымской войне в целом достаточно полно изучена в отечественной историографии¹. Однако двойственный характер их статуса и «политического существования» – как европейских и как германских государств – не позволяет во всей полноте оценить все нюансы их политики. Особенно если при анализе политики этих государств исследователь останавливается лишь на «европейском» векторе.

Оба государства учитывали и планировали свои действия с оглядкой на внутригерманский эффект того или иного политического шага: Австрия нуждалась в поддержке Германского союза для укрепления своего европейского влияния и улучшения своего внутреннего положения [11, S. 113–114], Пруссия стремилась усилиться как германская держава, построив внутри Германского союза систему своего доминирования. Средние и малые государства Союза («Третья Германия») рассматривались ими либо как неравные партнеры, либо просто как инструмент для осуществления собственных планов

1. Например: [5; 4; 3]. Изучению политики Австрии и Пруссии в Крымской войне способствует значительный корпус опубликованных документов венского и берлинского кабинетов. Для других членов Союза подобной публикации до сих пор нет. Наиболее полное на сегодняшний день издание документов по истории Германского союза, выпускающееся под эгидой Баварской исторической комиссии, лишь отчасти затрагивает вопрос германского нейтралитета в 1853–1856 гг., освещая прежде всего вопрос реформы Союза в этот период.

и проектов [9, S. 64–65]. Сами же государства «Третьей Германии», будучи в рамках Германского союза формально самостоятельными и независимыми политическими субъектами, стремились проводить, прежде всего, ту политику, которая давала бы им максимальную выгоду для усиления собственной позиции и обеспечила бы необходимые гарантии их суверенитета.

Крымская война, быстро превратившаяся из локального российско-турецкого кризиса в общеевропейский, вызывала у «Третьей Германии» серьезное беспокойство, поскольку означала распад Венской системы европейской безопасности и потенциальную угрозу распространения войны на территорию германских государств. Эта угроза могла быть нивелирована только в том случае, если Германский союз сохранял нейтралитет, эффективность которого теперь зависела не столько от состояния международной обстановки, сколько от единодушия членов Союза. В случае если Австрия и Пруссия в силу своих европейских целей отступили бы от политики нейтралитета, ее обеспечение должно было лечь на плечи государств «Третьей Германии».

В данной статье будет рассмотрена попытка проведения политики нейтралитета королевством Вюртемберг в период от оккупации Россией Дунайских княжеств летом 1853 г. до присоединения Германского союза к оборонительно-наступательному альянсу Австрии и Пруссии в июле 1854 г. В этот период роль и перспективы Германии в войне еще не были ясны, что давало средним германским государствам определенный простор и свободу для политического и дипломатического маневров².

Соседствуя на западе с великим герцогством Баден и на востоке с крупнейшим из средних государств – Баварским королевством, Вюртемберг не имел никаких территориальных, экономических или иных интересов на Востоке и, следовательно, не имел формальных поводов к вступлению в войну. Однако правивший в Вюртемберге с 1816 г. король Вильгельм I давно испытывал серьезные опасения по поводу возможности вторжения Франции за Рейн. Об этом он еще в декабре 1852 г. писал австрийскому министру иностранных дел К.Ф. фон Буоль-Шауэнштейну: «Истинная опасность времени для всех нас лежит на западе. Только эгоизм, страх или близорукость желали бы после 2 декабря усматривать ее где-либо, кроме Парижа» [17,

2. Более подробно политика Вюртемберга в Крымской войне рассматривалась в трудах немецких историков Г. Круземарка и П. Хоффмана. Эти исследования базируются на материале из земельных архивов Германии в Штутгарте, Мюнхене, Дрездене и описывают взаимоотношения Вюртемберга с другими германскими кабинетами. Поэтому взгляды российской стороны на инициативы германских политиков в годы войны или деятельность российских дипломатических представителей при Вюртембергском дворе отражены в них не в полном объеме [16; 14].

S. 73]. Вильгельм понимал, что в силу малочисленности своей армии и уязвимого положения Южной Германии Вюртемберг даже в союзе с Баденом и Баварией не сможет сразу отразить французское нападение. Поэтому в текущем европейском кризисе он преследовал две цели: всеми силами удерживать германских лидеров, особенно Австрию, от вступления в войну и обеспечить Вюртембергу как можно более надежные гарантии и защиту от французской угрозы.

Династическое родство³, приверженность России защите принципов Венской системы и невозможность альянса консервативных германских князей с парламентской Великобританией или империей Наполеона III обусловили лояльный к Петербургу характер внешней политики Вюртемберга. Это, однако, отнюдь не означало, что Штутгарт становился проводником российских интересов в Германии и не имел собственного курса⁴. Вильгельм, будучи убежденным прагматиком, разочаровался за годы своего правления в потенциале Германского союза и отзывался о бундестаге как о месте «заседают негодяи», а о Союзе – как об «изношенной машине». Союз он терпел лишь как неизбежное зло, необходимое для обеспечения суверенитета Вюртемберга [14, S. 13]⁵.

Вильгельм предпочитал выстраивать свою концепцию нейтралитета subtly в рамках ограниченного сотрудничества членов Германского союза, рассматривая любую инициативу своих соседей исключительно с позиций ее пользы или вреда для Вюртемберга и не допуская навязывания ему других точек зрения. Этот курс встречал понимание у остальных германских государств, также заинтересованных в сотрудничестве. Но партикуляристские установки вюртембергского курса давно вызывали недоверие у Вены и Берлина⁶ и мешали доверительным переговорам с другими средними государствами Союза, имевшими иные взгляды на концепцию нейтралитета.

3. С 1816 г. Вильгельм был женат на сестре Николая I великой княгине Екатерине Павловне, умершей в 1819 г. Сын Вильгельма, кронпринц Карл, был женат на дочери Николая великой княгине Ольге Николаевне, имевшей на мужа сильное влияние.

4. Еще в 1930-е годы такая точка зрения была поставлена под сомнение историком В.П. Фуксом, писавшим, что южно-германских политиков «занимали еще и соображения реальной политики, которые были не близки другим средним государствам <...> их, прежде всего, беспокоила судьба Южной Германии в случае французского вторжения» [13, S. 28].

5. Вильгельм придерживался этих взглядов до самой своей смерти и в своем политическом завещании в 1865 г. писал: «Положение Германского союза действительно непрочное; все силы направлены лишь на то, чтобы парализовать всякую мощь и всякий порыв. Изменить это состояние есть величайшая потребность» [20, S. 218].

6. Бисмарк (в то время – прусский представитель в бундестаге) подозревал, что Вильгельм для спасения своего королевства может даже пойти на союз с Францией,

Еще в июне 1853 г. глава саксонского правительства Фридрих Фердинанд фон Бойст предложил созвать во Франкфурте-на-Майне конференцию министров средних германских государств для выработки общей позиции «Третьей Германии» по обеспечению нейтралитета Германского союза в возможной войне⁷. Это предложение было сочтено Вильгельмом и министром иностранных дел Вюртемберга бароном Константином Юлиусом Францем фон Нейратом слишком радикальным. Поэтому оно было отвергнуто как нецелесообразное и способное вызвать гнев со стороны Австрии и Пруссии. Созывать конференцию министров средних государств, считал Нейрат, без явного к тому повода означает «ставить себя более или менее провоцирующим образом в некую враждебную позицию по отношению к обоим великим державам». По его мнению, необходимо было «избегать любой видимости, что средние государства принципиально объединяются в сепаратный союз» [19, S. 760].

Осторожность, с которой в Штутгарте отнеслись к инициативе Бойста, была следствием убеждения, что без доверительных отношений с Австрией и Пруссией никакое соглашение о нейтралитете не может быть эффективным. Без их политической поддержки в Вюртемберге не могло быть уверенности, что Франция не предпримет военную авантюру, а без их военной помощи оборона южно-германских государств на Рейне не могла остановить французское наступление⁸.

На заседании бундестага 10 ноября 1853 г. Австрия выступила с декларацией, в которой провозглашала свой нейтралитет (до тех пор, пока не будет непосредственной угрозы ее интересам) и заявляла, что продолжит предпринимать попытки урегулировать конфликт совместно с Великобританией, Францией и Пруссией. Пруссия отказалась присоединиться к этой декларации, мотивировав это желанием оставить за собой «свободу действий, чтобы посвятить все силы обеспечению мира» [18, S. 853–855]. Это поставило Вюртемберг перед фактом невозможности австро-пруссской коалиции и необхо-

поскольку ему, по его собственным словам, «вюртембергская рубашка ближе, нежели костюм союза» [1, с. 71]. Хоффман цитирует это высказывание с оговоркой, что оно могло быть лишь мнением Бисмарка, вольно интерпретировавшего позицию короля [14, S. 13].

7. Основой концепции Бойста была консолидация «Третьей Германии» не только в вопросе нейтралитета в войне, но и гораздо шире – в рамках выработки предложений по глобальной реформе Союза, что было болезненной темой для германских монархов, поскольку затрагивало вопросы суверенитета и субординации внутри Союза [12, S. 127–160]. Об отличиях саксонской программы от южно-германских концепций [12, S. 128–131, 140].

8. Нейрат излагал эти соображения как австрийскому представителю Ханделю [6, S. 406], так и позднее А.М. Горчакову [2, л. 445–447].

димостью обратить внимание на альтернативные пути к обеспечению нейтралитета.

Возобновление активной политики средних государств вполне отвечало целям Вюртемберга в условиях, когда не было четкого представления о курсе германских лидеров после провала австрийской инициативы в бундестаге. Вюртембергский представитель в бундестаге Х.Л. фон Рейнгард сразу после заседания 10 ноября поспешил уверить Штутгарт, что Вена не изменит курсу нейтралитета [16, S. 11]. Однако позиция Австрии в свете растущей угрозы вступления Франции и Англии в войну внушала Вильгельму все меньше доверия, причем то же самое можно сказать и об австрийских взглядах на партикуляристскую политику Вюртемберга⁹. Это подталкивало Вюртемберг к активным действиям, особенно на фоне растущего страха перед возможной французской агрессией. А.М. Горчаков, возглавлявший на тот момент российскую дипломатическую миссию в Вюртемберге, докладывал, что Вильгельм получает из Парижа новости о численности и распределении Французской армии, особенно на Рейне, которым придает большое значение [2, л. 449–450]. Хотя, по мнению Нейрата, планируемое размещение 300 тыс. французских войск на границе с Германией было возможно лишь на бумаге [2, л. 449, 446].

В феврале 1854 г. Вюртемберг попытался в ответ на новую инициативу Бойста¹⁰ склонить крупнейшее из средних королевств – Баварию – к проведению совместной политики по вюртембергскому сценарию. Этот сценарий был изложен Нейратом в его инструкциях от 29 января 1854 г., отправленных в Мюнхен и от 4 февраля – в Вену и Берлин. Смысл его сводился к тому, что: 1) германские государства должны действовать единодушно, чтобы не допустить агрессии со стороны Франции; 2) кабинеты Австрии и Пруссии должны заключить совместную декларацию о нейтралитете (с оговоркой, что он будет иметь силу, пока Россия не угрожает целостности и независимости Турции) и 3) Вюртемберг дает обещание проголосовать в бундестаге за вступление Союза в войну в случае внешнего нападения на любые владения (подчеркнуто мной. – П. Д.) Австрии или Пруссии [16, S. 14–15]. Ключом

9. В докладе от 5 декабря Хандель выражает удивление фразой Нейрата, что Вюртембергу «в нынешней ситуации остается присоединиться либо к Австрии, либо к Франции», и опасение, что Вильгельм через тайного агента Г. Клиндворта вошел в сношения с Пруссией [6, S. 456–457]. О Клиндворте и его роли в вюртембергско-пруссских отношениях [20, S. 202–218].

10. В конце ноября Бойст отправился в Мюнхен для переговоров с министром-президентом Баварии Людвигом фон дер Пфортеном о возможности проведения по инициативе Баварии конференции министров средних государств. Нейрат отреагировал на эту инициативу Бойста в целом так же, как на июньскую [19, S. 770–771, 772–773].

к успеху этой программы должна была стать общая инициатива средних государств, которая «отберет у германских лидеров монопольное право на оценку этого вопроса и вынудит их прислушаться к мнению своих младших партнеров» [2, л. 416].

Поддержка со стороны Баварии как третьего по силе германского государства имела здесь первостепенную важность, что понимали и Нейрат, и Бойст, и Пфортген. Концепция последнего также предусматривала увеличение роли Германского союза в обсуждении Восточного вопроса и содействии возобновлению совместного австро-прусского курса [14, S. 58]. В Штутгарте надеялись, что географическое положение Баварии приведет ее правительство к той же идее обезопасить себя от французской агрессии, приняв совместную военную декларацию Австрии, Пруссии и Южной Германии [13, S. 29].

Февральская инициатива была попыткой Нейрата и Бойста (к которому Нейрат питал довольно противоречивые чувства) [8, S. 278] склонить Баварию к проведению конференции. Несмотря на то что их программы были весьма близки по духу, они исходили из разных предпосылок и имели разные слабые места. Бойст позиционировал коалицию средних государств как противовес австро-прусским переговорам в Вене [12, S. 133]. Такая позиция была для других средних государств скорее отталкивающим фактором, поскольку они не желали открыто противопоставлять себя германским лидерам. Но партикуляристские настроения вюртембергской концепции не внушали доверия Баварии, опасавшейся, что при смене политической обстановки Вюртемберг немедленно выйдет из коалиции и оставит Баварию в одиночестве [14, S. 63].

Эта инициатива потерпела неудачу. Бавария отказалась от конференции, сославшись на необходимость дождаться результатов переговоров европейских государств в Вене. Пассивность баварского короля Максимилиана и его кабинета, болезнь Пфортгена и нежелание заменяющего его государственно-го советника Пелькховена принимать подобное решение¹¹, а также надежда Пфортгена на успешный исход переговоров европейских государств в Вене и миссии графа А.М. Орлова¹², привели к выпадению Баварии из коалиции средних государств. Это делало саму коалицию бессмысленной. 20 февраля 1854 г. Нейрат официально уведомил Бойста о прекращении активных действий в этом направлении [16, S. 23; 14, S. 135].

11. Причиной этого Круземарк считал скепсис в баварском правительстве в отношении конференции [16, S. 19]. Хоффман же полагал, что Пелькховен просто не хотел принимать поспешное решение, не будучи уверенным в поддержке этого решения Пфортгеном [14, S. 63].

12. В конце января в Вену по приказу Николая I прибыл граф А.М. Орлов с целью склонить Австрию к объявлению дружественного к России нейтралитета.

После этого в позиции Вюртемберга вновь происходит поворот. Неудача миссии Орлова, явное торжество антирусской партии, руководимой главой австрийского кабинета Буолем на конференции, а также министров в Вене, приказ императора Франца-Иосифа I от 2 февраля 1854 г. о частичной мобилизации австрийского корпуса в южной Венгрии показали, насколько важное значение в Вене придавали вопросу о статусе Дунайских княжеств и насколько мала была вероятность того, что Австрия все же поддержит Россию.

В свете этого вюртембергский король по-иному стал смотреть на Пруссию. Берлин, отклонив в январе 1854 г. российский проект нейтралитета трех государств [8, S. 339–340]¹³, не присоединился однозначно и к антироссийскому блоку: 11 марта прусский король отказался подписать австро-англо-франко-турецкую конвенцию и тем самым практически оказался в международной изоляции. Единственным относительно безопасным выходом из нее было тесное сотрудничество с германскими государствами и с Австрией в достижении полного нейтралитета [9, S. 54]. Эта позиция была созвучна желанию Вильгельма приобрести в глазах германских лидеров больший вес, и он решил установить контакт с прусским королем. Для этого ему пришлось использовать неофициальные каналы (чтобы не раздражать другие средние государства и поскольку Нейрат по-прежнему настаивал на соглашении с Австрией) [2, л. 351–352]. Он опирался на своего племянника принца Фридриха, служившего в Вюртембергской армии, и на брата Фридриха принца Августа, соответственно, служившего в Прусской армии. Горчаков докладывал 12 марта о большой радости в Вюртембергском дворе по поводу отказа Пруссии присоединиться к антироссийскому блоку и об отбытии Фридриха по поручению короля в город Галле для встречи с Августом. Через Августа Вильгельм хотел передать устное сообщение Фридриху-Вильгельму IV. В нем он уверял прусского короля в своей решимости бороться за отстаиваемый Берлином абсолютный и (если понадобится) вооруженный нейтралитет и в полной поддержке прусской позиции средними германскими государствами [2, л. 382]. В ситуации явного расхождения концепций Вильгельма и Нейрата Горчаков встал на сторону короля, считая, что средним германским государствам было бы выгоднее поддержать Пруссию [2, л. 351].

Новости о прусской миссии Э. фон Мантейфеля в Вену и его предложении австрийскому правительству о возобновлении австро-прусского союза (15 марта 1854 г.) вызвали у Вильгельма небывалый подъем духа. Эти новости возродили в нем интерес к выработке общей позиции с другими средними королевствами. Еще до окончания переговоров Мантейфеля в Вене он поручил Нейрату «возобновить по дипломатическим каналам усилия по

13. Текст проекта см.: [15, S. 267].

достижению соглашения с другими дворами» [2, л. 361]. С ходом австро-пруссских переговоров, переместившихся в начале апреля в Берлин, отношения Пруссии с Вюртембергом приобрели настолько доверительный характер, что Фридрих-Вильгельм делился с Вильгельмом через принца Августа деталями идущих переговоров и надеждой на заключение Пруссией и остальными германскими государствами (в случае демарша Австрии) узкого нейтралитета [2, л. 340].

Поддержка Пруссии требовала более осторожного подхода к форме консолидации средних государств, поскольку подобные коалиции воспринимались в Берлине враждебно [8, S. 401] и вызывали в памяти ассоциацию с Рейнским союзом. Поэтому предложение Ганновера в марте совместно добиваться возвращения вопросов нейтралитета в повестку дня бундестага была прохладно встречена в Штутгарте. Нейрат считал, что подобная инициатива сейчас скорее навредит переговорам в Вене и Берлине и что главная задача средних государств в данный момент – настойчиво добиваться от Вены ясного изложения ее позиции [2, л. 348–349].

Стремясь выяснить позицию Баварии для выработки дальнейшей тактики, Вильгельм отправил Нейрата в Линдау для переговоров с лежившим там Пфортеном, по итогам которых планировалось дать ответ в Берлин. Вильгельм полагал (и предупредил об этом прусского короля), что без поддержки Баварии в обеспечении сотрудничества средних государств не стоит ожидать удовлетворительных результатов [2, л. 328].

В день заключения австро-прусского оборонительно-наступательного союза, 20 апреля 1854 г., Горчаков докладывал о результатах переговоров Нейрата и Пфортена в Линдау. Позиция Баварии оказалась ближе к позиции Нейрата, а не Вильгельма, поскольку предусматривала обязательное участие Австрии в нейтралитете и присутствие обоих германских лидеров на планируемой конференции. Опасаясь, что эти результаты создадут в Берлине впечатление «измены» Вюртемберга, принц Фридрих по просьбе Вильгельма приложил к официальному посланию в Берлин секретную записку, которая должна была убедить Фридриха-Вильгельма в сохранении Вюртембергом старого курса в случае неудачи переговоров с Австрией. Для демонстрации лояльности принц Фридрих даже выразил мысль о возможности превратить текущую конференцию в Берлине в некий эрзац-бундестаг, созвав туда представителей всех членов Союза [2, л. 307–310].

Известие о заключении австро-прусского союза внесло серьезные коррективы в планы средних государств. В Штутгарте первая реакция под влиянием умиротворяющих сообщений от прусского короля была положительной. Поэтому принц Август не стал знакомить Фридриха-Вильгельма IV с письмом принца Фридриха и ограничился устным пересказом баварских предложений в их осмыслении Нейратом. Горчаков также приветствовал новость

о союзе, надеясь, что средние государства получат возможность «сформулировать со своей стороны заявление, в духе которого они присоединятся к этому акту, и основывать свою поддержку на собственной его интерпретации» [2, л. 302–303].

Однако после ознакомления с текстом договора и особенно дополнительной статьи к нему¹⁴, энтузиазм сменился страхом перед той легкостью, с какой Австрия могла теперь спровоцировать нужный ей *casus belli* и втянуть Пруссию и всех, кто присоединится к альянсу, в войну. В той же депеше, в которой Горчаков описывает эти события, он докладывает в Петербург и о грядущей конференции средних государств в Бамберге, обещая, со своей стороны, сделать все, чтобы «энергичная мысль короля перевесила чрезмерную осторожность его министра» [2, л. 283–286].

Столь быстро принятое решение о проведении конференции было следствием того трудного положения, в котором оказались средние государства в вопросе присоединения к австро-прусскому альянсу. Приглашения на нее были разосланы Пффорденом 5 мая 1854 г. (после его возвращения к своим обязанностям) и быстро получили одобрение средних государств. Целью конференции было заявлено обсуждение присоединения остальных членов Союза к альянсу. Это было удачным поводом, поскольку позволяло собрать за столом переговоров все основные средние государства, не вызывая при этом подозрений в их сепаратной политике у Вены и Берлина¹⁵.

В инструкции Нейрату Вильгельм подчеркивал опасность, исходящую от австро-прусского договора, и отсутствие у Германского союза каких-либо интересов в восточных делах. Понимая, что простой отказ от присоединения вызовет негативную реакцию Вены и Берлина, Вильгельм поручил Нейрату добиваться, чтобы нейтралитет не требовал от «Третьей Германии» жертвовать ни людьми, ни финансами. В случае невозможности такого нейтралитета следовало добиваться, чтобы вступление Союза в войну могло произойти только в случае непосредственного нападения России на Австрию или Пруссию, или Англии или Франции на территорию Союза. Коалиции средних государств следовало непременно добиться поддержки остальных членов

14. *Дополнительная статья гласила, что в случае неудовлетворительного для Вены ответа России на требование очистить Дунайские княжества любому участнику договора (по-разному понималась, разумеется, Австрия) следует принять необходимые меры для очищения княжеств. При этом любое сопротивление России могло рассцениваться как угроза целостности государства – участника договора и повод для вовлечения в войну остальных участников альянса. Текст договора и приложений см.: [15, S. 302–304; 16, S. 728^c–728^f].*

15. *В письме королю Баварии Фридрих-Вильгельм сам советовал Баварии присоединиться к союзу 20 апреля при условии, что «ни Пруссия, ни Австрия не будут намерены каким-либо образом раздражать Россию» [8, S. 704].*

Союза, тем самым превратив Союз в главное препятствие австро-прусскому политическому произволу [2, л. 264, 267]. Горчаков отмечает, что, скорее всего, эти требования были созданы совершенно без участия Нейрата, поскольку противоречат его убеждениям [2, л. 264]¹⁶.

Бамбергская конференция проходила с 26 по 30 мая 1854 г. с участием представителей Баварии, Саксонии, Вюртемберга, Ганновера, Бадена, двух Гессенов и Нассау в условиях, когда каждый из участников конференции ожидал от нее разных результатов¹⁷. Позиция Вюртемберга была осложнена тем, что Нейрат отстаивал одновременно и свои предложения, и непопулярные у других участников конференции идеи короля¹⁸. Сложность состояла еще и в том, что основой для переговоров были выбраны предложения Бойста, из-за чего Вюртемберг оказался в меньшинстве. Нейрат докладывал Вильгельму, что в присоединении к договору 20 апреля при условии изменения его положений не был заинтересован почти никто. Для Саксонии и Баварии главным вопросом на конференции стало обеспечение единства членом Союза. Ганновер, Баден и оба Гессена выступили за немедленное присоединение к договору [10, S. 94–95].

Итоги Бамбергской конференции были зафиксированы в протоколе от 30 мая и в ноте от 3 июня, которую предполагалось разослать от имени каждого участника конференции¹⁹. Оба документа не стали для Вюртемберга эффективным средством для продолжения его политики нейтралитета. В протоколе хоть и содержалось признание участниками конференции необходимости посредничества Германского союза при мирных переговорах и говорилось о повышении его роли в германских делах за счет более тесной консолидации «Третьей Германии», но средством для этого была заявлена идея Бойста о том, что подобные конференции должны стать регулярными. Требования Вюртемберга пересмотреть отдельные пункты договора 20 апреля –

16. Судя по записке Нейрата Вильгельму от 19 мая 1854 г., главное различие их концепций заключалось в том, что Вильгельм был сторонником строгого нейтралитета и невмешательства Германского союза в восточный вопрос, в то время как Нейрат считал вовлечение неизбежным и придерживался концепции выбора «меньшего из двух зол» (присоединения либо к австро-прусскому, либо к возможному австро-французскому союзу). Кардинальных различий во взглядах на задачи средних государств в гипотетической войне у Вильгельма и Нейрата, судя по всему, не было [16, S. 35–38].

17. Подробнее о Бамбергской конференции и ее оценке в историографии см.: [10].

18. По этому вопросу в историографии высказывались разные мнения: Круземарк полагал, что Нейрат отстаивал на конференции свою программу в пику идеям Вильгельма [16, S. 40]. Это положение критикуется Хоффманом [14, S. 78], но поддерживается Дэвисом [10, р. 90–91, 95–96, 105].

19. Текст протокола [19, S. 795–795], текст ноты [15, S. 309–311].

ограниченное участие войск Союза в войне, рассмотрение *casus belli* не только Австрией и Пруссией, но еще и бундестагом и др. – удалось включить в текст Бамбергской ноты, но ее общий характер базировался на баварской программе, с которой Вильгельм был во многом не согласен.

В Петербурге к Бамбергской конференции отнеслись положительно и увидели в ее результатах средство удержать Австрию от эскалации конфликта [16, S. 106]. Однако это было возможно только при условии, что Австрия и Пруссия согласятся на изменение ряда пунктов договора. И если в Берлине протокол и нота были восприняты в целом спокойно, то в Вене они вызвали возмущение, поскольку Буоль считал всю инициативу «бамбергцев» следствием русского влияния [7, S. 222]. Пункт протокола о регулярных конференциях министров также вызвал недовольство германских монархов. Вильгельм, хотя и ратифицировал его 2 июня, в дальнейшем всячески подчеркивал желание, чтобы подобные периодические встречи министров происходили «не в заранее назначаемые регулярные сроки, но как результат особых договоренностей для каждого отдельного случая» [16, S. 42]. В этом его поддержала Бавария, а следом – большинство средних государств, и запланированная по итогам Бамберга следующая конференция министров в итоге не состоялась – что означало неудачу идей Бойста.

Положения о пересмотре статей договора 20 апреля стали слабым местом Бамбергской ноты. Во время встречи в Тешине 7–10 июня 1854 г. Австрия и Пруссия рассмотрели эти требования и решили принять лишь одно: присоединение остальных германских государств к договору 20 апреля должно произойти от имени Германского союза и утверждено решением бундестага (при условии, что большинство государств заранее официально выразит готовность к присоединению) [16, S. 44–45]. Этим они частично реабилитировали союзный институт и вместе с ним – роль средних государств в германской политике. Но отказ германских лидеров от остальных идей Бамберга (в частности, от предложения Пфордтена компенсировать требование к России очистить княжества требованием к западным державам вывести свой флот из Черного моря²⁰) дезавуировал дипломатические усилия Вюртемберга и внушил Вильгельму страх скорого начала войны. Для его успокоения прусский король передал через принцев Августа и Фридриха заверение, что Франц-Иосиф не готов идти на прямой конфликт с Россией [2, л. 243–244].

Когда 3 июня Австрия выдвинула, а 12 июня Пруссия поддержала требование к России безоговорочно очистить Дунайские княжества, Вильгельм увидел в этом путь к применению *casus belli* австро-прусского договора

20. Это условие отсутствует в тексте ноты, но об его принятии Пфордтен сообщил секретарю русской дипломатической миссии в Штутгарте Штофрегену сразу по окончании конференции [2, л. 249].

и попытался отсрочить присоединение Союза к альянсу под предлогом необходимости дождаться официального ответа из Санкт-Петербурга. Король надеялся, что Россия даст такой положительный ответ, который не позволит Австрии воспользоваться *casus belli* – о чем он сообщил в личной беседе новому российскому посланнику графу В.П. Титову [2, л. 224–226]²¹. Попытки Вильгельма убедить другие государства (прежде всего, Баварию и Баден) подождать официального ответа из Петербурга завершились неудачно: к концу июня все участники Бамберга выразили через представителей в Вене и Берлине желание присоединиться к австро-прусскому союзу. Это оставляло Вюртембергу все меньше возможностей для маневра [2, л. 237, 235].

В таком контексте молчание Штутгарта стало беспокоить прусского министра-президента О. фон Мантейфеля, и так подозревавшего вюртембергского посланника в Берлине графа Ф. фон Линдена в излишней зависимости от Петербурга [8, р. 768–769]. Лишь ознакомившись с российским ответом Вене от 29 июня и решив, что такой ответ не вызовет недовольства Австрии, Вильгельм дал согласие на присоединение к альянсу с надеждой (и был здесь солидарен с Титовым), что Союз сделает это «с оговорками в соответствии с бамбергскими принципами». И это даст средним государствам хоть какую-то возможность для влияния на вопросы войны и мира [2, л. 216].

Строптивость и несговорчивость Вильгельма в этом вопросе обострили и конфликт с Нейратом, что в итоге привело 14 июля к отставке министра и назначению на его место барона Й. фон Линдена, который был менее независим от короля в своих суждениях [16, S. 51–55; 14, S. 19].

Решением бундестага от 24 июля 1854 г. Германский союз присоединился к австро-прусскому альянсу и принял на себя обязательства оказать предусмотренную договором военную помощь [18, S. 729–737]. После этого политика Вюртемберга и остальных государств «Третьей Германии» вступала в новый этап борьбы за нейтралитет, когда Германский союз, благодаря консолидации всех членов, получил возможность выполнять свою европейскую функцию. Хотя консолидация произошла и не в том виде, которого с разными нюансами желали средние государства, она все же вынуждала Австрию и Пруссию оглядываться в своей политике в войне на мнение других германских государств. Другими словами, произошла некоторая правовая реабилитация Германского союза и предоставление ему права голоса в мирных переговорах.

21. В начале июня 1854 г. Горчаков был отозван из Штутгарта и вскоре назначен временным послом в Вене. Временным управляющим русской миссии в Вюртемберге с июля 1854 г. стал граф Владимир Павлович Титов (1807–1891).

Для Вюртемберга же итоги его политики в этот период можно назвать ограниченным успехом: с одной стороны, была снижена угроза французского вторжения, однако, с другой – несогласованность концепции Вюртемберга с другими средними государствами и разногласия между королем и министром Нейратом привели к тому, что коалиция средних государств была вынуждена уступить инициативу австро-прусскому альянсу. Альянс же пытался придать Германскому союзу совсем иные функции, чем того желала «Третья Германия».

В этих условиях главной целью вюртембергской политики, балансирующей между интересами остальных государств и своими собственными интересами, становилась дипломатическая борьба за выработку таких мирных предложений, которые могли бы склонить Россию к переговорам, не нанеся ей чрезмерного ущерба.

Библиография

1. Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания. М.: ОГИЗ, СОЦЭГИЗ, 1940. Т. 1. 334 с.
2. Горчаков–Титов, Вюртемберг // АВПРИ. Ф. 133 «Канцелярия Министерства иностранных дел». Оп. 469. 1854 г. Д. 150. 467 л.
3. Зубарева А.Ю. Пруссия в Крымской войне: Незаметный победитель // Вестник Московского университета. 1996. № 3. Серия 8: История: Научный журнал. С. 46–71.
4. Полетика Н.П. Пруссия и Крымская война // Труды Ленинградского отделения Института истории СССР. Л., 1971. Вып. 12. Исследования по социально-политической истории России. Сборник статей памяти Б.А. Романова. С. 255–268.
5. Трачевский А.С. Пруссия в Крымскую войну // Исторический вестник. 1888. Т. XXXII. С. 335–360, 585–609; 1888. Т. XXXIII. С. 45–60.
6. Akten zur Geschichte des Krimkriegs. München-Wien: Oldenbourg, 1980. Sr. I. Österreichische Akten zur Geschichte des Krimkriegs. Bd. 1. 751 S.
7. Akten zur Geschichte des Krimkriegs. München-Wien: Oldenbourg, 1980. Sr. I. Österreichische Akten zur Geschichte des Krimkriegs Bd. 2. 1054 S.
8. Akten zur Geschichte des Krimkriegs. München: Oldenbourg, 1991. Sr. II. Preußische Akten zur Geschichte des Krimkriegs. Bd. 1. 933 S.
9. Baumgart W. Österreich und Preußen im Krimkrieg // Vorträge und Studien zur preussisch-deutschen Geschichte. Köln: Böhlau 1983. S. 45–70.
10. Davis J.R. The Bamberg Conference of 1854: A Re-Evaluation // European History Quarterly. 1998. Vol. 28. N 1. P. 81–107.
11. Dermdarsky M. Österreich und der Deutsche Bund // Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. München: Oldenbourg, 1982. Bd. 9: Österreich und die deutsche Frage im 19. und 20. Jahrhundert. Probleme der politisch-staatlichen und soziokulturellen Differenzierung im deutschen Mitteleuropa. S. 92–116.
12. Flöter J. Beust und die Reform des Deutschen Bundes 1850–1866. Sächsisch-mittelstaatliche Koalitionspolitik im Kontext der deutschen Frage. Köln: Böhlau, 2001. 565 S.
13. Fuchs W.P. Die deutschen Mittelstaaten und die Bundesreform 1853–1860. Berlin: Verlag dr. Emil Ebering, 1934. 191 S.

14. Hoffmann P. Die diplomatischen Beziehungen zwischen Württemberg und Bayern im Krimkrieg und bis zum Beginn der italienischen Krise (1853–1858). Stuttgart: Kohlhammer, 1963. 132 S.
15. Jassmund J. von. Aktenstücke zur orientalischen Frage. Nebst chronologischer Uebersicht. Berlin: Schneider, 1855. 478 S.
16. Krusemarck G. Württemberg und der Krimkrieg. Halle (Saale): Niemeyer, 1932. 113 S.
17. Porschinger H. von. Aus der politischen Korrespondenz des Königs Wilhelm I von Württemberg // Deutsche Revue. 1906. Jg. 31. S. 70–79, 132–142.
18. Protokolle der deutschen Bundesversammlung. Frankfurt-am-Main: Bundes-Präsidial-Druckerei, 1854.
19. Quellen zur Geschichte des Deutschen Bundes. Abt. III. Bd. 2: Der Deutsche Bund zwischen Reaktion und Reform 1851–1858. München: Oldenbourg, 1998. 961 S.
20. Schneider E. Aus der württembergischen Geschichte. Vorträge und Abhandlungen. Stuttgart: Kohlhammer, 1926. 268 S.

References

- Akten zur Geschichte des Krimkriegs. München: Oldenbourg, 1991. Sr. II. Preußische Akten zur Geschichte des Krimkriegs. Bd. 1. 933 S.
- Akten zur Geschichte des Krimkriegs. München-Wien: Oldenbourg, 1980. Sr. I. Österreichische Akten zur Geschichte des Krimkriegs. Bd. 1. 751 S.
- Akten zur Geschichte des Krimkriegs. München-Wien: Oldenbourg, 1980. Sr. I. Österreichische Akten zur Geschichte des Krimkriegs Bd. 2. 1054 S.
- Baumgart W. Österreich und Preußen im Krimkrieg // Vorträge und Studien zur preussisch-deutschen Geschichte. Köln: Böhlau 1983. S. 45–70.
- Bismark O. fon. Mysli i vospominanija. Moscow: OGIZ, SOCJeGIZ, 1940. T. 1. 334 p.
- Davis J.R. The Bamberg Conference of 1854: A Re-Evaluation // European History Quarterly. 1998. Vol. 28. N 1. P. 81–107.
- Derndarsky M. Österreich und der Deutsche Bund // Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. München: Oldenbourg, 1982. Bd. 9: Österreich und die deutsche Frage im 19. und 20. Jahrhundert. Probleme der politisch-staatlichen und soziokulturellen Differenzierung im deutschen Mitteleuropa. S. 92–116.
- Flöter J. Beust und die Reform des Deutschen Bundes 1850–1866. Sächsisch-mittelstaatliche Koalitionspolitik im Kontext der deutschen Frage. Köln: Böhlau, 2001. 565 S.
- Fuchs W.P. Die deutschen Mittelstaaten und die Bundesreform 1853–1860. Berlin: Verlag dr. Emil Ebering, 1934. 191 S.
- Gorchakov–Titov, Vjurttemberg // AVPRI. F. 133 «Kanceljarija Ministerstva inostrannyh del». Op. 469. 1854 g. D. 150. 467 l.
- Hoffmann P. Die diplomatischen Beziehungen zwischen Württemberg und Bayern im Krimkrieg und bis zum Beginn der italienischen Krise (1853–1858). Stuttgart: Kohlhammer, 1963. 132 S.
- Jassmund J. von. Aktenstücke zur orientalischen Frage. Nebst chronologischer Uebersicht. Berlin: Schneider, 1855. 478 S.
- Krusemarck G. Württemberg und der Krimkrieg. Halle (Saale): Niemeyer, 1932. 113 S.
- Poletika N.P. Prussija i Krymskaja vojna // Trudy Leningradskogo otdelenija Instituta istorii SSSR. Leningrad, 1971. Vol. 12. Issledovanija po social'no-politicheskoj istorii Rossii. Sbornik statej pamjati B.A. Romanova. P. 255–268.

РОССИЯ И МИР В XIX ВЕКЕ

Porschinger H. von. Aus der politischen Korrespondenz des Königs Wilhelm I von Württemberg // Deutsche Revue. 1906. Jg. 31. S. 70–79, 132–142.

Protokolle der deutschen Bundesversammlung. Frankfurt-am-Main: Bundes-Präsidentsal-Druckerei, 1854.

Quellen zur Geschichte des Deutschen Bundes. Abt. III. Bd. 2: Der Deutsche Bund zwischen Reaktion und Reform 1851–1858. München: Oldenbourg, 1998. 961 S.

Schneider E. Aus der württembergischen Geschichte. Vorträge und Abhandlungen. Stuttgart: Kohlhammer, 1926. 268 S.

Trachevskij A.S. Prussija v Krymskuju vojnu // Istoricheskij vestnik. 1888. Vol. XXXII. P. 335–360, 585–609; 1888. Vol. XXXIII. P. 45–60.

Zubareva A.Ju. Prussija v Krymskoj vojne: Nezametnyj pobeditel' // Vestnik Moskovskogo universiteta. 1996. N 3. Serija 8: Istorija: Nauchnyj zhurnal. P. 46–71.